

"МОЕ ДЕЛО ОЧЕНЬ ОБЫЧНОЕ"

... Это протест против тех реалий, которые существовали и существуют в этом государстве, в этой зоне ослабленного режима, где одних убивают, других обманывают, третьих пугают; в этой пыточной камере, где густо пахнет страхом и подозрением.

Я был молодым специалистом, распределенным в Алма-Ату из Москвы, подрабатывал в школе и сразу же столкнулся с местной мафией в с. Зав. Горно во главе. Я пришел в школу молодым романтиком, полагая, что в ней нужно воспитывать человека прежде всего, а уже потом давать знания. Это полностью расходилось с официальной концепцией образования, в которой работа учителей определялась процентом успеваемости. В Алма-Ате 1973 года просто уродовали детей. Директор школы вместе с зав. Горно и районо просто грабили школу. Этот механизм действовал в школах всего города. Я восстал против этого и немедленно был уволен. Восстановился через суд и снова вступил в схватку. Я сознательно пошел на экспериментальную проверку коммунистических реалий, советского строя, одного из его основных блоков - народного образования. От меня попытались откупиться квартирой, чтобы я перестал действовать и тем самым дал карт-бланш этому вору. Я не мог видеть, как из детей делают то, что мы называем *Homo Sovieticus*, или плодами электрификации и хамизации. Тогда все это шло еще на уровне чувства и оно подсказывало мне путь противостояния. Затем меня однажды днем (я был зав. агитпунктом) арестовывают, привозят в тюрьму, обвиняют в каких-то преступлениях, о которых мне ничего не известно, и делают сумасшедшим, признают неизменяемым. И с 73 года - пять лет психиатрических лечебниц, где мою человеческую сущность пытались расплющить, но все это трансформировалось в мое противостояние.

Алма-Ата - 2я республиканская психиатрическая больница,
Москва - больница имени Кащенко, психиатр - убийца Снежневский А.В.,
Южно-Сахалинская областная психиатрическая больница.

И каждый раз перед этим везли в КГБ. Долгие "душеспасительные" разговоры, оканчивающиеся официальным предостережением на основании постановления Верховного Совета от 1972 г. (АСД), затем "псих-лечение" от 5 - 6 месяцев до года. Опять беседы в КГБ и игра продолжалась снова. Я не мог смириться с тем, что уходит жизнь, что нет семьи, детей, не потому, что у меня преступный характер, а в силу преступности самого государства, которому во имя коммунисти-

ческой идеологии наплевать на человеческие ценности.

В больницах я подвергался избиениям, прессингу и в конце концов КГБ стало представляться мне какой-то мрачной силой. Как будто тебя бьют, а ты проваливаешься, постоянно проваливаешься, не можешь ощутить противника. Они бьют по всей линии обороны. Тебе устраивают социальную обструкцию, тебя превращают в безгласное животное и твоя душа чувствует все это и понимает. Мне нужно было обрести внутреннюю уверенность, и она пришла ко мне при помощи самолета.

Я познакомился с пилотами, и они научили меня управлять АН-2 (с/с "кукурузником"). Я не планировал угона. Научившись летать, я обрел внутренний покой. Я получил оружие против этой всепроникающей силы, считающей всех нас рабами. Но даже если представить, что я действительно хотел улететь, то я не вижу в этом вины. Ведь когда я сказал в ГБ о моем желании выехать за пределы СССР, то получил прямой ответ: "Михайлов, мы тебя уберем". Тем не менее, в 1977 г. (за спиной было 5 лет психобольницы) я подал заявление в ОВИР Алма-Аты, но не успел дойти спокойно до дома. Шесть человек избили меня до такой степени, что я провалялся в больнице 3 месяца. Когда я вышел, чекисты резюмировали: "Михайлов, это был твой последний звонок". Вот после этого я начал думать о самолете. Не моя преступная воля, но непрерывное преступление государства против меня приводили к поиску путей ухода из этого государства нелегальным путем, потому что все другие пути были обрезаны. Но если даже представить, что самолет для меня был средством совершения преступления, то это можно очертить статьей 83 (нелегальный переход границы).^{*}

Поводом для ареста послужило только то, что КГБ примерно через год после того, как я закончил курс обучения полетами, узнало об этом. Арестован я в Москве. ~~Из Казахстана~~ (При обыске у меня и у моей московской знакомой Ким Эльвиры Васильевны) 24 февраля 79 г. был изъят ряд работ, квалифицированных как клеветнические и антисоветские. Возникла 70-я статья (Казахская - 56¹). Вначале следствие обвиняло по 213¹ - 2 (приготовление к угону самолета), а в мае 79 г. переквалифицировали на 64-ю. Хотя от первой до последней буквы приговора там ничего, кроме приготовления к переходу границы при помощи АН-2. Это до 3-х лет. Мне же дали 13 + 3 ссылки.

^{*} Было три успешных попытки по этому сценарию. Последняя - Свистунов, 1987 г., перелет в Швецию. Речь идет об угоне, а не терроризме.

Кроме того, в приговор входила статья по даче взятки (платил пилотам за обучение), хотя тут нет смысла взятки, т.к. не было ничего никаких выгод, хранение холодного оружия (кусок пластмассы, взятой при обыске у моей знакомой, квалифицированный, как кастет), мое следственное дело вело КГБ в Москве, потом передали Алма-Атинскому КГБ. Зная с кем имею дело, от участия в следствии я отказался. Я уже был научен предыдущей жизнью. 5 лет назад я начал войну с режимом и его боевым органом - чекистами. Потому само участие в деле было для меня оскорблением. В следственной тюрьме на меня оказывали давление, то сажали меня с агрессивными лично ко мне уголовниками, то с подсадными утками. Два последних месяца перед судом я провел в карцере, заболел там пневмонией, а когда начался суд, объявил голодовку протеста. Я не мог ходить, и меня 16 дней носил в суд на руках специально подобранный по габаритам солдат охраны. Суд был грязной комедией в закрытом театре. С людьми, противостоящими режиму, сразу же попадающими в поле зрения КГБ, расправляются безжалостно. Я полностью отказался от участия в суде, кроме эпизода со вторыми пилотами, тоже привлеченными к ответственности. Командир самолета оклеветал их, показав, что делился деньгами. Я опроверг эти показания. В результате моего вмешательства, они остались на своих рабочих местах. После суда был этапирован в Мордовию, в Барашево, XX-385/3-5. После этого этапирован на 37-ую, после ПКТ (1981-82 гг.) и голодовки. Там имел счастье познакомиться с Ю.Ф. Орловым. Затем переведен на 36-ю (Кучино) (Кучинвальд), где был убит и замучен на один заключенный. Через 2 года 35 зона. Поясню, что речь идет о кусте лагерей вокруг райцентра Чусового. 3 колонии строгого и особого режима. Именно там больше всего жертв. Именно там над практически безвинными людьми проводились самые безжалостные издевательства. Там конструировались и испытывались своеобразные психологические заготовки, психиатрические заготовки, где людей доводили до сумасшествия. Это был полигон для психологов пенитенциарной системы.

Потом опять 36-я, после неудачной попытки майора Захарова завербовать меня. Потом круг повторяется. Опять 37-я, а в 87 г., когда и 36 и 37-я были расформированы, я опять был помещен в 35-ю. Срок закончил в ШИЗО 35-ой. В общей сложности в ШИЗО я провел около 2 лет., в голодовках-протестах - около полутора лет. Должен заметить, что очень трудно первые годы. Не только из-за хронического голодания, но и из-за слома души, тюремного надрыва. Потом как-то адаптировался. Лагеря в СССР - это апофеоз идеи. В принципе весь Советский Союз - очень большой лагерь с ослабленным режимом,

где около 90% людей - политзеки. У большей части населения взгляды противоположны коммунистической доктрине. Просто у одних, по Снежневскому, это вялотекущий процесс, а у других - активное сопротивление. Они и становятся политзаключенными в тех лагерях, через которые я шел без малого 11 лет.

В 36-ой зоне при мне умер Князь Мкртчян, 24 апреля 1985 г. повесившись в камере ШИЗО, а перед этим вскрыл себе вены и кровью написал на стене камеры: "В этом прошу винить КГБ". Ему было всего 28 лет, сидел он по 70-ой, его друзьями были Паруйр, Айрикян, Арутюнян. Это были люди с чистой совестью. Фурасов был замучен КГБ. В 1986 г. его довели до смерти, отказывая в лечении. А уже во всю закрашивала фасад нашей тюрьмы малярная кисть Горбачева. Теперь много стали говорить о том, что закрываются лагеря, выпускают политзаключенных, но всегда, для всех нас открыт главный лагерь, который называется СССР. Это самый большой лагерь, который встроено в настоящее время в тело цивилизации. Он не для отдельных лиц, а для народов и наций, проживающих в СССР. Главный палач этого лагеря - коммунистическая партия и ее вдохновенный руководитель - Политбюро ЦК во главе с Горбачевым. 19 августа 1989 г. через 10 дней после визита иностранцев в лагерь, меня лично заверил Фрэнк Вольф, что за дачу интервью не будет никаких репрессий. Эти заверения он, в свою очередь, получил от заместителя Шеварнадзе Абашина(?). Но эти заверения как бы не касались КГБ на местах. Под предлогом моей стрижки 19 августа 1989 г. в камеру ШИЗО, куда я попал за отказ от принуд. работ и ношения нагрудных знаков, ворвались 8 человек: 4 прапорщика и 4 офицера во главе со старш. лейтенантом Волковым. Последний - известный в Пермских лагерях садист. Это изысканный садист даже на фоне остальных. Сначала они ударили меня лицом о цементную шубу камеры, потом избili, надев наручники, потом подвесив на наручники на решетку, выдрали машинками короткие, 2-недельной давности волосы на голове. Все это было откровенной мстью за мои показания американским конгрессменам, за опровержение мной лжи пом. Ген. прокурора СССР Коршунова о содержании заключенных. Та же история (принудительная стрижка) только без избивания произошла с Кетенчиевым и Голдовичем. Избивающие действовали явно провокационно, ожидая ответных ударов с моей стороны. Мой срок подходил к концу, а КГБ явно не хотел меня отпускать.

Исполнителем и организатором подобных дел был безусловно подполковник Балабанов. Это известный садист, воспитанный сталинскими кадрами, полковниками Амосом и Афанасовым, под руководством которых он проходил курс этой науки. Подполковник Балабанов - началь-

ник отдела КГБ, курирующего 35-ю колонию. Этим отделом раньше руководил Афанасов, ныне вышедший на пенсию. Это при нем были избиты А. Марченко, Марк Морозов, оба в Чистополе, в 1986 г., один - в августе, другой в декабре, за месяц до начала освобождения узников совести.. Он изобретателен в палаческом творчестве, в доведении людей до психического растрепания. Его основная специальность - убить человека в человеке. Вот такие люди работают в КГБ в эпоху демократизации и гласности. Руководят ими те же люди и методы прежние - кровь, насилие, издевательство, смерть. Балабановым был доведен до самоубийства Михаил Дюкарев, затравлен в 1984 г. на допросах. Если есть Бог и справедливость, Балабанов должен понести наказание, ему не место среди людей. Я не требую расправы над ним, я не коммунист. Просто нужно удалить его от людей, этого зверя с неограниченной властью. Добавлю, что ему около 47 лет и он чекист самой высокой пробы.

Теперь о выходе на статус политзаключенного. После того, как был подписан Венский документ, в текст которого входят минимальные правила обращения с заключенными, принятые в ООН еще в 1959 г., мы организовали группу "Хельсинки-Вена- 89" и предъявили администрации следующие требования: отказ от принудительного труда, ношения бирок, от стрижки волос. (Последняя в 1946 году в Нюрнберге признана унижающей человека). Сразу же после основания группы 20 фев. 1989 г. мы были признаны преступниками, то есть фактически администрация здесь игнорирует Венский документ. Мы хотели привлечь внимание к нам и выразить свой протест, а были брошены в ШИЗО. Мы хотели добиться пересмотра дел Голдовича, Кетенчиева, Казачкова, Лубмана, Климчака и других узников совести, томящихся в застенках уже много лет. С первого дня - 18 суток в ШИЗО, потом несколько часов зоны, потом 15 дней ШИЗО, и так все последние 4 месяца, по 6 сент. 1989 г. Должен заметить, что в ШИЗО находиться очень трудно. Температура 9 - 12⁰, высокая влажность. Это было очень мучительно, особенно для истощенных физически Кетенчиева и Голдовича. Все мы были брошены в ШИЗО поодиночке. Потом начался этап. 27 сент. в Свердловской пересыльной тюрьме я был жестоко избит охранниками, которых привело в бешенство уже одно упоминание имени Сергея Кузнецова. Здесь же я получил 10 дней залитого водой карцера. Потом этап в Мариинск и там опять 10 суток карцера. В начале ноября я прибыл в пос. Клюквинка Верхнекетского района, а в "светлый праздник" Октябрьского переворота ко мне в комнату, взломав дверь, ворвались ихдверк 2 мо-

людей

людей и избивали меня. Здесь была ставка на провокацию. Участковый на утро буквально прятался от меня, а звонок в Ровд дежурному не дал результатов. Впрочем результаты были: через месяц один из избивавших был избран секретарем ВЛКСМ Ингузетского (?) леспромхоза. С рабочими проводятся целенаправленные беседы, что таких, как я, надо расстреливать или сажать в лагеря. Настраивает рабочих против меня секретарь парторганизации Ларкин Валерий Петрович. Кстати, фамилии избивавших меня 7 ноября - Попов и Смышляев. 31 января 1990 года ко мне приезжал подполковник МВД Вошинин Виктор Викторович и в простарной беседе поведал мне, что был звонок из ОВИРА, и что вопрос о моем выезде будет рассматриваться по окончании ссылки. Напоминаю, что я не писал и не подавал прошений в ОВИР с вопросом о выезде из СССР. По приезде в ссылку я подал заявление в ПВС с тем, чтобы был решен вопрос о лишении меня гражданства, а отнюдь не выезде. Думаю, что предыдущий текст хорошо мотивирует мое решение.

*Записано Станиславом Божено
и Еленой Самшиковой.*